

цейских дел, благоустройства Петербурга, контроля проживания, поездок российских и иностранных граждан и т.п.

5 ноября 1741 г., через год с небольшим после вступления в регентство, Анна Леопольдовна, также путем переворота, была свергнута с престола Елизаветой Петровной – дочерью Петра I и Екатерины I.

Список литературы

Гурлев И.В. 2018. Создание и развитие полиции при Петре I. – *Власть*. № 3(26). С. 134–140.

GURLEV Igor' Valentinovich, Dr.Sci. (Tech.Sci.), Chief Researcher of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (8 Z. and A. Kosmodemyanskikh St, Moscow, Russia, 125171; gurleff@mail.ru)

POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AFTER PETER I (1725–1741)

Abstract. The article on the base of official historical documents investigates the activities of the Russian police in the period after the death of Peter I and before the accession to the throne of Elizabeth.

Keywords: police, Catherine I, Supreme Privy Council, Peter II, Anna Ioannovna, Ivan VI, Duke Biron, Anna Leopoldovna

---

УДК 94 (517)

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; damdin80@mail.ru)

ГОМБОЖАПОВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Agombozh@gmail.com)

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

«ВНЕШНИЕ ВАССАЛЫ» ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОЛИТИКА МАНЬЧЖУРСКОГО ДВОРА В ОТНОШЕНИИ АРИСТОКРАТОВ ХАЛХИ

Аннотация. В статье рассматривается политика цинского двора по отношению к аристократам Внешней Монголии во время вхождения Халхи в состав Цинской империи и в период дальнейшего маньчжурского господства. Авторы исследуют систему титулов и должностей, разработанную цинским правительством для представителей монгольской элиты.

Ключевые слова: империя Цин, Внешняя Монголия, элита, титул, должность

Становление маньчжурской династии Цин и ее территориальная экспансия во Внутреннюю Азию продемонстрировали иной тип взаимоотношений

кочевников и земледельческого Китая. Правители династии Цин объединили оседлое и кочевое общества в одно целое, создав при этом действенную систему двойного управления. Прагматичный подход позволил им совместить вместе несколько традиций: маньчжурскую знаменную систему, централизованную бюрократию, тибетский буддизм и монгольскую систему управления [Elliot 2001; Elverskog 2006]. Господство империи Цин, по мнению ученых, базировалось не только и не столько на военном потенциале маньчжуров, сколько на восприятии приграничных регионов как важных форпостов и стратегических территорий [Perdue 2005], а не как предмета колониальных притязаний. Более гибкое отношение к подвластным территориям отразилось в отношении к элите коренных народов, адаптируемых в имперскую административную систему. Цинская администрация направляла значительные средства в приграничные области, развивала транспортную сеть, поддерживала и расширяла торговые связи.

В 1990-х гг. за рубежом были опубликованы работы, посвященные отдельным вопросам истории Цинской империи (Evelyn Rawski; Pamela K. Crossley; P. Perdue и др.), в которых впервые ставился вопрос о ревизии устоявшихся взглядов на историографию Китая. Господствовавшая ранее концепция включала представления о полной культурной ассимиляции завоевателей и восприятии иноземными династиями конфуцианской модели управления. По мнению представителей ревизионистской школы, правление династии Цин в Китае имеет принципиальное отличие от более ранних династий завоевателей. Такой подход обозначил новое направление исследований, которое позже будет обозначено как «новая история Цин» (*New Qing history*).

Новая интерпретация маньчжурского наследия свое развитие получила в работе Марка Эллиота «Маньчжурский путь: восьмизнаменная система и этническая идентичность в поздний период империи Цин». Автор, исследуя уникальную систему военной и социальной организации – восьмизнаменное войско, подчеркивает сложное сплетение конфуцианских представлений о легитимности власти и «этнического суверенитета» маньчжуров.

В соответствии с концепцией раннего модерна в едином понимании выстраиваются исторические процессы, происходившие как на Западе, так и на Востоке. С этой точки зрения осмысление роли и значения Цинской империи рассматривается в широком контексте исторической динамики государств на евразийском пространстве (проведение параллелей с современными ей империями: Османской, империей Моголов, Российской). Это должно, по мнению исследователей, расширить общее понимание сущности и природы империй, имперского дискурса и многих вопросов, связанных с переходом к эпохе Модерна. Цинская империя рассматривается не столько как очередная иноземная династия в Китае, но и как евразийская имперская держава, сумевшая преодолеть и существенно расширить границы традиционного Китая. Исторический успех маньчжуров был продиктован тем, что была выстроена оригинальная система управления завоеванными народами, основу которой составили не традиционные китайские институты, а наднациональные, в полной мере отражающие имперский характер власти.

В связи с этим большое внимание исследователями было уделено процессам аккультурации, реконструкции механизмов формирования этнической идентичности и культурной устойчивости маньчжуров и других неханьских народностей. Для изучения данных вопросов привлекать источники, написанные только на китайском языке, было явно недостаточно. Преодоление тенденциозности китайских источников, признание равноценности источников на маньчжурском и других языках как дополняющих, а в отдельных случаях

— являющихся альтернативными в освещении отдельных сторон и конкретных событий и теоретические достижения политической антропологии позволили выявить особенности, структуру и характер управления «внешними территориями».

Наиболее ярко мультикультурный имперский подход в системе управления был реализован по отношению к вассальным территориям: Внешней Монголии, Тибету, Цинхаю и Синьцзяну. Все они управлялись несколькими различными типами административных структур, при этом сохранялись и существовавшие местные институты власти. Важным моментом при этом является то, что переписка центральных и местных властей осуществлялась не только на китайском языке. Привлечение данных материалов на языке оригинала позволяет реконструировать многие скрытые аспекты взаимоотношений различных уровней власти, раскрыть собственные взгляды подчиненных народностей в отношении империи, которые невозможно почерпнуть из официальной китайской историографии. Представители направления новой истории династии Цин активно привлекают источники на языках неханьских народов — маньчжурском, монгольском и тибетском.

Положение халхаских аристократов в структуре правящей элиты Цинской империи реконструируется на основе изучения архивных документов Национального архива Монголии, где были обнаружены ценные тематические материалы, представленные таким документом, как «Перечень вновь утвержденных званий и титулов в четырех наместничествах Халхи — хан, ван, бэйл, бэйс, гун, дзасак, тайж», а также материалами по истории ургинских амбаней, крупных титулованных князей и религиозных лидеров¹. Нормативное закрепление нового положения халхаской элиты в имперской правящей иерархии отражено в «Цааджин бичиг» («Монгольское уложение») — своде маньчжурских законодательных актов для монголов. Административная стратегия маньчжурских правителей, рассматривающих монголов как поданных империи и в то же время как «внешних вассалов», детерминировала сочетание в цинском законодательстве для монголов как норм маньчжурского права, разработанных специально для монголов, так и норм монгольского обычного права.

Интеграция Халхи в имперское пространство маньчжурского государства потребовало от цинских властей поэтапного реформирования положения монгольской элиты, сопровождавшегося трансформацией правящего класса в вассально-чиновническое состояние с сохранением определенной степени автономии, элементов традиционной системы управления и привилегий.

Как справедливо отмечает Р.Ю. Почекаев, практика дарования ханских титулов маньчжурскими сюзеренами некоторым правителям монгольских областей в период покорения Монголии была инструментом формирования лояльных позиций среди отдельных монгольских аристократов [Почекаев 2018: 174]. В то же время это способствовало подрыву авторитета власти верховного монгольского хана и делегитимации традиции обретения ханского титула путем избрания или пожалования от великого хана. Однако после покорения Южной Монголии наличие вассалов, обладавших титулом ханов, заключало в себе опасность обоснования сепаратистских настроений среди местных аристократов по отношению к Цинской династии. Передача Эчжэ — сыном Лигдан-хана нефритовой печати императоров династии Юань маньчжурскому императору Хунтайцзи в 1635 г. способствовала легитимации правления монгольскими народами и обретению статуса верховного хана монголов цинскими правите-

¹ Монгол Улсын Ундэсний Тов Архив [Монгольский национальный центральный архив]. Ф. М-1. Оп. Д-1. Ед. хр. 13. Л. 1-9; Ф. М-1. Оп. Д-1. Ед. хр. 157. Л. 12-14.

лями [Горохова 1980: 69-71]. Ко времени принятия цинского подданства правителями Халхи в 1691 г. значение титула верховного хана было уже неоспоримо закреплено за китайским императором. При этом *de jure* титул хана сохранялся за наследниками бывших правителей халхаских ханств: Тушету-хана, Цэцэн-хана, Дзасакту-хана и Сайн-нойон-хана, в то время как *de facto* они были приравнены к дзасак-ванам¹.

В Северной Монголии в период маньчжурского господства были образованы две основные категории государственных учреждений: высшие органы власти и местные органы управления [Бадараев 2015: 70]. В истории реформирования системы управления можно выделить 3 этапа. На 1-м этапе, в период с 1691 по 1723 г., Халха была подчинена Лифаньюаню, а представителем высшей маньчжурской администрации в стране с 1696 г. стал маньчжурский наместник — цзяньцзюнь (генерал-губернатор) с постоянным местопребыванием в г. Улясутае [Содномдагва 1961: 13]. Второй этап датируется 1724—1753 гг. В 1728 г. во всех четырех аймаках Халхи была проведена реорганизация аймачных управлений в чуулганы (съезд хошунных дзасаков данного аймака) [Содномдагва 1961: 49]. Одновременно завершилось оформление знаменной системы, при которой каждый хошун являлся одновременно и военной единицей (знаменем)². В ходе третьего этапа, с 1754 по 1761 г., был проведен ряд мероприятий по укреплению местных органов управления. В помощь улясутайскому цзяньцзюню в 1758 г. были назначены помощники — хэбэй-амбань (военный помощник) и амбань (по гражданским делам) с резиденцией в Урге; в 1761 г. было образовано постоянное наместничество в г. Кобдо [Содномдагва 1961: 8-19].

Специфика реформирования местных органов управления была определена значением Внешней Монголии в политической концепции империи Цин, занимавшей положение своеобразной «буферной зоны», отделяющей империю от соседних стран. В традициях китайской политики на таких территориях действовали принципы: «управлять варварами с помощью варваров», «атаковать варваров с помощью варваров», «сдерживать варваров с помощью варваров» [Намсараева 2003: 15]. На основе положений цинского законодательства для монголов закономерно предположить, что маньчжурские правители продолжали руководствоваться данными принципами по отношению к Халхе. Одна из главных задач дзасаков и князей Внешней Монголии заключалась в поддержании боеспособности войск, включавших все боеспособное население³. В то же время подробная регламентация военного дела ярко иллюстрирует основную функцию «внешних вассалов» империи, присущую традиционной китайской модели управления. При этом в правовом наследии фиксируется наличие дистанции между метрополией и Внешней Монголией⁴.

В процессе реорганизации местных органов управления маньчжуры не только сохранили аймачно-хошунную систему управления, но и развили ее. С 1696 г. прежние северомонгольские ханства и хошуны были преобразованы в военно-административные единицы, оставаясь основной административной единицей в провинции и феодальным уделом, закрепленным за тем или иным владетельным князем.

С 1728 г. по указу императора были учреждены съезды хошунных князей — чуулганы (4 — по числу аймаков), игравшие большую роль в политической

¹ Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. (введ., монг. текст, транслит., пер. и комм. С.Д. Дылыкова). М.: Восточная литература. 1998. С. 108.

² Монголия, Барга и Халха: материалы по Маньчжурии и Монголии (сост. В. Баранов). Харбин: Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. 1905. С. 18.

³ Цааджин бичиг («Монгольское уложение»)... С. 68.

⁴ Там же. С. 55, 90, 99.

системе Монголии в период цинского господства. С появлением данных институтов власть, принадлежавшая ранее аймачным правителям, перешла к председателю чуулгана (*чуулган дарга*), носившему также маньчжурский титул да-вана, и к его помощнику (*дэд дарга*), имевшему маньчжурский титул дэд-да-байса. В управление также входили писарь, командующий войсками чуулгана – *тусалакчи дзангин*, в подчинении которого находились все командующие хошунными и сомонными войсками [Содномдагва 1961: 52]. Председатель занимался рассмотрением судебных дел, челобитных аратов и князей, контролировал сбор налогов. На имя председателя чуулгана поступали все приказы и постановления цинских властей, и через него же вся документация чуулгана и хошунных управлений направлялась на рассмотрение в Лифаньюань.

Во главе хошуна стоял хошунный дзасак (*дзасак-ван*), назначаемый императором из достойных кандидатур по представлению Палаты внешних сношений. Дзасак обладал всей полнотой власти в масштабах вверенного ему хошуна как в гражданской, так и в военной области. К его компетенции относились осуществление суда, разбор жалоб, распределение пастбищных угодий, определение границ входивших в хошун сомонов, багов и отоков шабинаров богдо-гэгэна, проживавших на территории хошуна.

В целях стимулирования поступления монгольских князей на государственную службу и формирования иерархической модели власти на местах императорским указом 1692 г. были введены новые титулы и звания для монгольских владетельных князей по маньчжурскому образцу: цинь-ван (правитель хошуна, князь первой степени), долоцзюнь-ван (князь второй степени), доло-бэйл (князь третьей степени), гушаньбэй-цзы (бэйс – князь четвертой степени), фыньчжэнго-гун (князь пятой степени), фыньфуго-гун (князь шестой степени) [Горохова 1980: 53]. Все утвержденные княжеские титулы были определены как наследственные. Признание в правах наследования считалось законным только после утверждения императорским указом. Невладетельные нойоны – тайджи подразделялись на 4 степени, при этом только тайджи 1-й степени мог стать правителем хошуна – дзасак¹. Полномочия, привилегии, титулы и порядок их наследования, размер жалования, число подданных, атрибуты одежды представителей элиты Халхи строго регламентировались законами цинского двора в соответствии с должностью, чином и званием, занимаемыми монгольскими аристократами [Бадараев 2017: 159-161].

В эпоху маньчжурского господства благородные сословия (владетельные и невладетельные князья) пополнились новыми социальными группами. Это табунаны (эфу) – императорские зятья (монгольские князья, женатые на маньчжурских принцессах), имевшие право на занятие государственных должностей, освобожденные от налогов и воинских повинностей и приравненные к представителям высшей монгольской феодальной знати; дарханы – покупная должность (лица, купившие дарханство, приобретали полную личную независимость при выборе занятия и места жительства; с 1824 г. дарханство стало наследственным); дунда (средние) – чиновники на государственной службе, не имеющие знатного происхождения; хафань – чиновники из простолюдинов, занимавшие государственные должности довольно высокого уровня (впоследствии, в XIX в., сословие приобрело статус института, включавшего 9 разрядов различных чинов и 27 ступеней); тайджи – младшие члены феодальных фамилий, не получившие уделов и подданных, кроме домашних слуг, которые освобождались от несения воинской службы, не подлежали суду местных судебных

¹ Там же. С. 108.

органов, не несли государственных повинностей и не платили налоги [Бадараев 2015: 72].

Цинское законодательство устанавливало особый порядок присвоения императорами титулов и званий монгольским аристократам, назначения их на должности со строгой регламентацией прав и обязанностей князей перед маньчжурскими правителями¹. При этом правительство империи заботилось о сохранении авторитета власти зависимой от императора местной элиты в глазах подданных Внешней Монголии. Это положение весьма красноречиво иллюстрирует закон: «если кто-нибудь [при встрече] не назовет полностью титулы, которыми удостоены ваны, дзасак-нойоны, хошунные тайджи или гуны, то оштрафовать на один девяток бодо»².

Меры, принятые маньчжурским правительством в области административного права и реформирования вертикали власти в Халхе, были призваны ослабить суверенную власть аристократов Внешней Монголии и закрепить зависимость их положения от заслуг на службе цинского императора. В то же время сохранение позиций и привилегий родовой аристократии Внешней Монголии, включение в состав местного самоуправления «внешних вассалов», употребление, наряду с цинскими законами, монгольских правовых традиций создали предпосылки для сохранения и усиления автономных элементов в управлении территорией Внешней Монголии, предопределив контуры и границы монгольского государства в XX в.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

Список литературы

Бадараев Д.Д. 2015. Вертикаль власти в системе управления на территории Внешней Монголии в Цинской империи. — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 14. С. 67-74.

Бадараев Д.Д. 2017. Чиновничество в социальной стратификации монгольского общества в период Цинской империи. — *Власть*. № 11. С. 158-162.

Горохова Г.С. 1980. *Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX века)*. М.: Наука. 131 с.

Намсараева С.Б. 2003. *Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 24 с.

Почекаев Р.Ю. 2018. *Стенные империи Евразии: власть — народ — право: очерки по политической и правовой антропологии*. Алматы: АБДИ Компани. 218 с.

Содномдагва Ц. 1961. *Манжийн захиргаанд байсан Уеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт. 1691 — 1911 [Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского правления. 1691 — 1911 гг.]*. Улаанбаатар. 135 с.

Elliot M.C. 2001. *The Manchu Way. The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*. Stanford: Stanford University Press. xxiii+580 p.

Elverskog J. 2006. *Our Great: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawaii Press. 242 p.

Perdue P.C. 2005. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 725 p.

¹ Там же. С. 84-85.

² Там же. С. 67.

BADARAEV Damdin Dorzhievich, *Cand.Sci. (Soc.)*, Senior Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; damdin80@mail.ru)

GOMBOZHAPOV Aleksandr Dmitrievich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Senior Scientist of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; agombozh@gmail.com)

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; nolev@inbox.ru)

EXTERNAL VASSALS OF THE QING EMPIRE: THE POLICY OF THE MANCHU AUTHORITIES WITH RESPECT TO THE KHALKHA NOBLES

Abstract. *The article examines the policy of the Manchurian rulers in relation to the aristocracy of the Khalkha during the reign of the Qing dynasty. The authors investigate the system of titles and positions developed by the Qing government for the Mongolian elite and analyze the Mongolian territories government system under Qing rule, and classification of administrative structures of Outer Mongolia in that period.*

Keywords: *Qing Empire, Outer Mongolia, elite, title, position*